

— Совершенно неудивительно, — с хрицы рассмеялся Слепец Чжан, поджав под себя ноги и пытаясь встать, опираясь стопами о землю.

Тао Шаньцзэ отступил на шаг назад, глядя на то, как тот со сгорбленной спиной зловеще ухмыляется. Лишь человек, испытавший величайшую скорбь, мог быть до такой степени горьким и несчастным:

— То, что они говорят — правда?

— Что? Что мне не воздалось за добрые дела, и у меня слишком много кармических долгов? — Слепец Чжан подался вперед, и Чи Мэй тут же заслонил Тао Шаньцзэ, прикрывая его собой.

Этот человек походил на свирепого призрака, поселившегося в храме, от всего его облика веяло зловещим безумием.

— По-моему, это не я сошел с ума, а вы все помешались! — Слепец Чжан бессмысленно вращал глазами без зрачков, но на его лице застыло невыразимое изумление — судя по всему, еще никто и никогда не подходил к нему так близко.

Его босые ноги случайно задели таз с водой, и жидкость внутри тревожно заплескалась.

— Ты что, вздумал принести мне воды? — развязно и беззаботно рассмеялся он. — Я ведь все равно ничего не вижу. Посчитал, что это оскорбляет ваши глаза?

С этими словами он резко пнул таз, качнувшись всем телом, и вода расплескалась по полу, а несколько брызг попали на одежду Тао Шаньцзэ.

— Да как ты разговариваешь? — Чи Мэй помрачнел, глядя на такое поведение. Он сам никогда не позволял Тао Шаньцзэ прислуживать кому-либо лично, и сейчас на душе у него скребли кошки. — Пойдем отсюда, он вовсе не выглядит тем, кого нужно спасать.

— Спасать?! — Слепец Чжан от этих слов словно взбесился, его затрясло всем телом, а на руке, сжимавшей трость, вздулись вены. — Спасти меня могу только я сам! Иначе почему все жизненные невзгоды и страдания выпали на мою долю? Все вокруг твердят, что за добрые дела воздается добром, но стоило мне сделать хоть что-то хорошее, как тут же случалась беда. Теперь я хромой, слепой, и у меня не осталось ни капли надежды!

Из его мутных белым выдавилось несколько слезинок. Скатившись по впадинам на лице и смыв немного грязи, они обнажили ямочки на щеках — можно было легко представить, каким красавцем он был в прошлом, и неудивительно, что его в свое время продали в Трактир Прекрасных Ден Инь.

— Нет, у тебя будет выход, — Тао Шаньцзэ шагнул вперед, избегая луж, и встал перед Чи

Мэем. Он держался прямо, и его простые одежды развевались на ветру, придавая ему особую уверенность. — Если ты сейчас чувствуешь горечь, то лишь потому, что тебя ждет великая заслуга. Просто продолжай накапливать благие дела: божества на небесах все видят, и они непременно дадут тебе справедливый ответ.

Чи Мэй слегка опустил голову, глядя на стоявшего впереди Тао Шаньцзэ. В этом мире Тао Шаньцзэ был праздно проводящим время книжником, и хотя он прекрасно знал классические каноны, вряд ли понимал законы причин и следствий столь глубоко. К тому же сейчас в нем не осталось ни следа прежнего легкомыслия.

В своей сегодняшней белой одежде, с прямой осанкой, он стоял в мрачном храме словно лучик света.

— С чего ты взял, что у божеств есть справедливость? Ты ведь не бог! — Слепец Чжан взмахнул тростью и задел ею основание лotosового трона. От удара с искусно вырезанных некогда лепестков осыпалась пыль, подняв целое облако грязи, и от этого казалось, что сам храм зашатался.

Тао Шаньцзэ уже хотел было возразить, но Чи Мэй с молниеносной реакцией схватил его и прижал к себе, крепко обхватив руками. Ударившись затылком о макушку Тао Шаньцзэ, Чи Мэй глухо охнул. Его спина уперлась в створки храмовых дверей, и в тот же миг раздался чудовищный толчок, грозивший перевернуть землю и потрясти небеса.

Деревянные балки на крыше с треском полетели вниз, опорные столбы заходили ходуном, а каменные лепестки лотоса под гигантской статуей в самом центре зала начали отваливаться один за другим.

Все произошло слишком внезапно. Облако густой пыли взметнулось вокруг статуи Будды, на мгновение полностью скрыв всё из виду, и сертистая взвесь заволокла всё туманной пепельной пеленой.

Среди этой серой и безмолвной мути статуя Будды, к которой годами никто не приносил жертвы, вдруг ожила: сначала шея, соединенная с массивной головой, шевельнулась, а затем опущенные до сих пор мягкие глаза резко распахнулись. Широко раскрытые, они казались невероятно жуткими и смотрели прямо на Чи Мэя со злобным оскалом, а лишенные краски глазные яблоки выглядели почти полупрозрачными.

В обычном действующем храме это сочли бы за великое чудо, но в заброшенной, забытой богами обители всё это выглядело донельзя зловеще и пугающе.

Однако целью статуи явно были не Чи Мэй и Тао Шаньцзэ. Огромная деревянная голова медленно повернулась и в конце концов уставилась на Слепца Чжана.

Слепец Чжан тем временем понятия не имел, что происходит. Его рука с тростью продолжала

дрожать, и он судорожно ухватился за поблекшую настенную фреску рядом с собой.

То ли Тао Шаньцзэ мерещилось, но краски на фреске показались ему гораздо ярче прежнего, и теперь можно было с легкостью разглядеть их первоначальные оттенки.

На мгновение потеряв концентрацию, Тао Шаньцзэ подумал, что где-то уже видел эту фреску.

Только тогда на месте Слепца Чжана стоял он сам, и рядом с ним кто-то был.

Однако времени на раздумья не оставалось: Тао Шаньцзэ отчетливо увидел, как губы статуи зашевелились. Разобрать слова было невозможно, но звуковые колебания оказались до того странными, что барабанные перепонки пронзила острая боль, словно их кто-то терзал изнутри.

Слепец Чжан же повел себя иначе: он вдруг уверенно поднял голову и уставился прямо на статую, словно действительно мог что-то разглядеть.

На его прежде бесстрастном лице теперь читались лишь тоска и исступленное обожание.

Дрожь во всем теле исчезла, он медленно выпрямился, отпустил фреску и шаг за шагом двинулся вперед.

Пыль еще не успела осесть. Тао Шаньцзэ зашелся в сильном кашле, перед глазами всё застилала серая пелена, похожая на бескрайний туман.

— Он говорит, — у Чи Мэя невыносимо болели уши. В тот момент его первой мыслью было поскорее закрыть уши Тао Шаньцзэ. Желая удержать его рядом и не позволить оторваться от себя, он прижался к нему плечом, максимально сократив расстояние. Губы Чи Мэя едва коснулись волос Тао Шаньцзэ, и он напряженно произнес: — Не слушай.

В этот момент в голове Тао Шаньцзэ промелькнули картины из видения: в Трактире Прекрасных Ден Инь нечисть говорила о возможности вселиться в существ, окружающих тех, кому предстоит перерождение. Вселение в живое тело пагубно сказывалось на янской энергии демонов, но с неодушевленными предметами дело обстояло иначе — подобные символические статуи подходили для этого лучше всего.

Но очевидно, что статуя говорила лишь со Слепцом Чжаном, что косвенно подтверждало: они нашли нужного человека. Вот только что именно она ему сказала, раз это помешало ему спокойно переродиться?

Голова Тао Шаньцзэ раскалывалась от боли, однако присутствие Чи Мэя приносило спасительную прохладу, позволяя сохранять рассудок.

В этот момент безучастный взгляд Слепца Чжана резко изменился. Он перевел глаза на Тао Шаньцзэ, злобно оскалив желтые зубы, и, словно марионетка, подчиненная чьей-то воле, зашагал прямо к ним, нелепо переставляя ноги.

Наконечник его неизменной трости блеснул холодным светом, на мгновение осветив перемазанное грязью лицо до мертвенно-бледного цвета.

Если бы врата ада действительно распахнулись, то перед ними стоял бы вовсе не человек: при каждом движении мясо кусками валилось с его тела, сочившись кровью. Под его ногами образовывались и расползались лужи крови, а спутанные волосы на голове, казалось, обрели собственную жизнь и шипели, точно змеи.

Поддавшись призыву нечисти, ветхие храмовые двери с громким стуком захлопнулись, принося с собой глухую ночную тьму. Статуя продолжала говорить, и ее звуковые волны заставляли их грудные клетки содрогаться от боли, вынуждая раз за разом хвататься за сердце.

Кулон на груди Тао Шаньцзэ начал нагреваться, а идущая от Чи Мэя прохлада помогала ему держаться из последних сил.

И тут эхо голоса статуи ранеро по разрушенному залу, но до ушей Чи Мэя и Тао Шаньцзэ донеслось вполне отчетливое: «Убей его».

— Убей его! Он не человек, он демон, вы спасаете народ от напасти! — Призрачный шепот вился вокруг их голов, проникая прямоком в затылочную чакру и потрясая до глубины души. Внутри живота всё жгло, словно от раскаленной лавы, в то время как тело пробирал лютый холод.

Чи Мэй обладал внутренней силой, позволяющей противостоять этому голосу, но мучения от этого не уменьшались. Взглянув на Тао Шаньцзэ, он понял, что тот тоже еле терпит: мускулы на его лице подергивались, а губы были искусаны до крови.

Слепец Чжан продолжал неумолимо приближаться. Вокруг распространялся смрад тухлого мяса, а тянущиеся за ним кровавые ошметки ползли по телу Тао Шаньцзэ.

— Смеешь ли ты убить меня? — его бельма дико вращались, мясо на руках уже полностью отвалилось, обнажив птичьи лапы-кости, на которых трепетали оторванные ногти. Он протянул руку к Тао Шаньцзэ: — Ну же.

Сердце Тао Шаньцзэ бешено колотилось, а в ушах по-прежнему звучал хриплый голос: «Обернись же, посмотри, кто стоит за твоей спиной?»

Тао Шаньцзэ резко оглянулся, но позади стоял вовсе не Чи Мэй — на него скалился темный, голый скелет.

Он отскочил в сторону, чувствуя острую боль во всем теле, но бежать было некуда.

Впереди к нему приближался разлагающийся, истекающий кровью Слепец Чжан, а сзади подстерегало бесформенное чудовище. Густой, пропитанный мраком воздух давил так сильно, что становилось нечем дышать. Сердце Тао Шаньцзэ колотилось как безумное, он из последних сил цеплялся за остатки равновесия, глаза его покраснели, а взор застилала пелена ярости и ужаса.

Нефритовый кулон на груди стал ледяным. Ему безумно хотелось сорвать его и выбросить куда подальше, лишь бы эта вещь не находилась на нем.

«Убей его», — продолжал голос, и внезапно он сменился мягким, ласковым тоном Чи Мэя. В этом голосе слышалась дрожь, но вместе с тем и безграничная нежность: — Супруг мой, скорее убей Слепца Чжана.

Затем голос Чи Мэя и зловещий шепот демона зазвучали в унисон, слившись воедино и безжалостно терзая барабанные перепонки Тао Шаньцзэ. Перед глазами всё плыло. Опустив взгляд, он с ужасом обнаружил, что в его руке уже зажат острый клинок, а беззащитная шея Слепца Чжана, покрытая желтым жиром, находится прямо перед ним.

Стоит ему лишь взмахнуть клинком, как лезвие пронзит его горло, оборвав его жизнь, и тогда его Чи Мэй тоже вернется.

Тао Шаньцзэ встретился взглядом с пустыми глазницами Слепца Чжана. Нефритовый кулон на груди охлаждал кожу с такой силой, будто пытался остудить бушующий в его сердце жар.

«Убей его!» — раздалось вновь.

Он поднял нож. Блеснувший в лучах стали отсвет внезапно раздвоился, являя две совершенно разные картины.

В отражении клинка храм лежал в руинах, погруженный во тьму, а статуя возвышалась над всем сущим.

А перед ним простиралось бескрайнее море крови, и демонический шепот не смолкал ни на секунду.

Его рука заходила мелкой дрожью.

«Убей!» — крик превратился в пронзительный визг, грозивший разорвать барабанные перепонки Тао Шаньцзэ. По его уху струйкой сбегала кровь, смешиваясь так, что уже невозможно было понять, чья она — его собственная или Слепца Чжана.

— А-а-а! — не выдержав, Тао Шаньцзэ изо всех сил взмахнул клинком и ударил вниз.

Но ожидаемого удара по плоти и рассеченной шеи не последовало.

Распахнув глаза, он тяжело задыхался, в висках громко стучало, а прямо перед ним вместо монстра внезапно оказалось лицо Молодого господина Ли.

От того веяло легкой прохладой, но в его глазах Тао Шаньцзэ нашел такое долгожданное умиротворение.

Жар в теле утих, дыхание постепенно выравнилось, а занесенный в руке клинок на глазах рассыпался пылью, исчезая дюйм за дюймом.

А вдалеке, как и прежде, Слепец Чжан мирно сидел у подножия лotosового трона, казалось, погруженный в глубокий сон.

Статуя Будды стояла на своем месте, вокруг по-прежнему лежала пыль.

Молодой господин Ли неподвижно стоял прямо перед ним.

Его влажные, прекрасные глаза смотрели на него, словно спокойная гладь глубокого омутa.

Тао Шаньцзэ уже видел этот взгляд.

Тот самый момент в Трактире Прекрасных Ден Инь, когда он протянул ему руку.

И вот теперь он стоял перед ним.

Спасибо за чтение!

На самом деле рак груди — это всего лишь скрытая зацепка. Раз так, на досуге я перепишу симптомы на что-нибудь другое.

Убийство чужими руками

— Только что... — Тао Шаньцзэ вперил взгляд в глаза Молодого господина Ли, едва ворочая языком. Разве можно было смотреть на человека с такой глубокой скорбью, с таким щемящим сожалением и всепрощением, если видел его всего пару раз в жизни?

Тао Шаньцзэ казалось, что вся кровь в его жилах застыла, а сердце отзывалось тупой,

размеренной болью, сокрушая его хрупкий разум.

— Тао Шаньцзэ, с тобой всё в порядке? Я столько раз звал тебя, а ты даже не откликнулся! — Чи Мэй поднялся с пола. — Ты только что влепил мне такую пощечину, что я отлетел на землю, гляди, у меня тут всё содрано.

Чи Мэй уже хотел было поднять ладонь и показать ее Тао Шаньцзэ, как вдруг осознал всю странность происходящего.

Он совершенно не помнил, когда именно появился этот раздающий кашу Молодой господин Ли. Что означал их обмен взглядами? Более того, между ними явно бушевали скрытые страсти, и больше всего Чи Мэя бесило то, что глаза самого Тао Шаньцзэ буквально прилипли к этому внуку с фамилией Ли.

— Мы раньше встречались? — Тао Шаньцзэ в упор глядел на него. Неизвестно оттого ли, что он слишком сильно напрягал зрение, глаза защипало, и они мгновенно налились влагой. Он шмыгнул носом, словно не в силах продолжать.

Молодой господин Ли протянул руку и невесомо смахнул с его волос прилипшую травинку, двигаясь так мягко, будто легкий ветерок над гладью озера, после чего отступил на шаг и слегка поклонился:

— Нет.

То ли Тао Шаньцзэ мерещилось, но в его глазах он заметил точно такой же туманный блеск слез.

Стоявший рядом Чи Мэй чувствовал себя так, будто проглотил муху — нет, это было куда противнее, чем муха. Его рука была ободрана, но утешения от Тао Шаньцзэ он так и не дождался. И откуда вообще взялся этот щеголь, решивший посягнуть на его Тао Шаньцзэ?

Этот Молодой господин Ли выглядел слащавым и женоподобным, с бегающими глазками — вылитая жена какого-нибудь горного разбойника, захваченная в плен.

Он сделал шаг вперед, перехватил Тао Шаньцзэ за локоть, заслоняя его спиной, и уставился на лисского типа:

— Уважаемый, какого черта вы здесь забыли?

Чи Мэй смутно чувствовал неладное. Оглянувшись на Тао Шаньцзэ, он и вовсе взбеленился:

— Ты плачешь?

Тао Шаньцзэ покачал головой, но отвечать не стал. Он отвернулся, тем самым молчаливо подтверждая всё без слов.

Глядя на него, Чи Мэй чувствовал, как в нем закипает жажда убийства. Если бы не сдерживающая его Печать Закона Красного Лотоса, его скрытая звериная сущность вырвалась бы наружу прямо сейчас. Даже к Байхэ он не испытывал столь сильных эмоций, но от этого смазливого паренька его просто выворачивало наизнанку. И как назло, в данный момент он явно проигрывал.

— Раз господин Тао не пострадал, я пойду, — Молодой господин Ли изящно поклонился, его широкие рукава взметнулись в воздухе, и он полностью проигнорировал прожигающий взгляд Чи Мэя.

Чи Мэй резким движением схватил белого паренька за локоть, вложив в хватку всю силу, и прошипел сквозь зубы:

— Куда это ты собрался?

Белый паренек не рассердился, а лишь усмехнулся. В отличие от разозленного Чи Мэя, он говорил тихо:

— А куда, по вашему мнению, мне нужно идти? Разумеется, обратно к котлу с кашей — раздавать еду нуждающимся.

Чи Мэй язвительно бросил в ответ:

— Да ты же сам только что глаз не сводил с моего супруга! Не иначе как применил какую-то гадкую чар-технику, иначе с чего бы ему плакать!

Слегка усмехнувшись, Чи Мэй развернулся вполоборота, в упор глядя на него. Этот парень был ростом с него самого, да и комплекцией походил донельзя.

На секунду у Чи Мэя промелькнула безумная мысль: раз Тао Шаньцзэ любит его самого, то при виде человека с такой же внешностью у него неизбежно должны возникнуть странные чувства.

Но если отбросить отношение к нему Тао Шаньцзэ, то одно лишь созерцание этого типа вызывало у Чи Мэя жуткое раздражение. Чего стоил один его наряд — на груди мантии была вышита невероятно живая, распускающаяся лепесток за лепестком белая лилия.

И надо же было такому взрослому мужику так манерничать.

Он отбросил руку Молодого господина Ли:

— А ты-то сам когда здесь объявился?

Тон его был далек от дружелюбного, а поскольку Молодой господин Ли явно изображал жертву, от этого толчка его качнуло назад, и он со всего маху врезался в гнилой жертвенный столик перед статуей Будды.

Лицо его исказилось от боли, но он стерпел всё, не сделав ни единой попытки ответить ударом на удар.

Тао Шаньцзэ, увидев, как тот пострадал, почувствовал, как сердце екнуло, и в нем даже промелькнуло желание броситься ему на помощь. Однако он удержал Чи Мэя и резко оборвал его:

— Ты что творишь, Чи Мэй?!

— Ты меня удерживаешь? — Чи Мэй едва не задохнулся от ярости. — Да он же просто столкнулся со столом, и вообще неизвестно, откуда он взялся! Вместо того чтобы расспросить его, выяснить, кто он такой и не является ли какой-нибудь горной нечистью, ты бросаешься защищать этого хлыща?

Заметив смертельную бледность на лице Тао Шаньцзэ и поняв, что тот настроен предельно серьезно, Чи Мэй почувствовал смешанные чувства:

— Ты сердишься на меня?

Тао Шаньцзэ ничего не ответил, лишь глубоко вздохнул. Внутри храма царила полная тишина — всё выглядело точно так же, как в момент их прихода.

Он понял, что только что находился во власти морока.

Раньше он размышлял о том, каким способом нечисть могла бы расправиться со Слепцом Чжаном, но он никак не ожидал, что их методом станет влияние на окружающих с целью заставить его совершить убийство своими руками. Если бы не внезапное появление Молодого господина Ли, его клинок уже был бы приставлен к горлу Слепца Чжана.

Выходит, он сам едва не стал преступником, пособником демонических сил.

В конце концов, ему следовало поблагодарить этого господина Ли. Не обращая внимания на обиженную физиономию Чи Мэя, Тао Шаньцзэ сдержанно и чинно поклонился Молодому господину Ли:

— Мой недостойный супруг не ведает правил и оскорбил вас. Вернувшись домой, я как следует

его проучу, прошу вас не держать зла. Ступайте своей дорогой.

Названный недостойным супругом Чи Мэй застыл с тупым выражением лица. Вся его ярость разбилась о холодное равнодушие Тао Шаньцзэ. Он знал, что в этой истории Ляньшэн Тао Шаньцзэ играл роль Сан Цзымина — эдакого негодяя, наслаждающегося благами гарема, но он никак не ожидал, что тот практикует всеядный подход и докатится до такого уровня беспринципности.

Стоящий перед ними Молодой господин Ли действительно отлично гармонировал с вышитой на его одежде белой лилией.

Когда Молодой господин Ли удалился, Чи Мэй уже собирался схватить Тао Шаньцзэ за руку, чтобы уйти и посмотреть, как именно тот собирается его проучить, как вдруг Слепец Чжан, все это время опиравшийся на стену, заговорил:

— Молодой господин, у вас только что был такой изможденный вид... Вы случайно не увидели чего-то лишнего?

В этот момент в нем не осталось и следа прежнего безумия. Таз с водой стоял на прежнем месте, а лotosовый трон неподалеку выглядел целым и невредимым, без каких-либо следов разрушений.

Услышав это, Тао Шаньцзэ окончательно перестал понимать, в какой именно момент он угодил в иллюзию. Возможно, всё началось с того самого опрокинутого таза, а может, с самого порога этого храма.

Как он мог забыть: человек, всем сердцем стремящийся к добру, разве мог усомниться в существовании божеств и рассуждать об их силе с таким скепсисом? В его сердце неизменно горела свеча, и ее мягкий свет озарял всё вокруг теплым желтым сиянием, освещая путь без оглядки на страх, суля блестящее будущее.

Именно эта светлая аура не позволяла нечисти подобраться близко и лишала ее всякой лазейки.

Если в следующей жизни ему суждено переродиться принцем, это непременно станет наградой за нынешние страдания, тем, чего он по-настоящему заслуживает.

Тао Шаньцзэ подошел ближе, достал из кармана кошелек с серебром и, пусть монет было немного, с благоговейным трепетом протянул их слепцу:

— Прости, что я судил о благородном человеке по меркам мелкой душонки. Это лишь малая топка от меня, пускай в следующей жизни ты обрешь богатство и знатность.

Он протянул горсть серебряных монет к его руке и заметил на перепонке между большим и указательным пальцем левой руки слепца красную родинку, располагавшуюся точно посередине. Видя, что тот не собирается брать деньги, Тао Шаньцзэ молча положил их на землю, развернулся вместе с Чи Мэем и зашагал прочь.

Больше от него не разило гнилью и мерзостью, и внешность Слепца Чжана уже не казалась столь отталкивающей — он лишь радовался тому, что едва не совершил непоправимое и не убил его.

И всё это благодаря Молодому господину Ли. Кто же он в конце концов такой? Почему при одном взгляде на него в душе поднималась такая нежная, трепетная тоска, вовсе не романтическая, а просто бесконечная, заставляющая беспрестанно вздыхать?

Шагая впереди Чи Мэя, Тао Шаньцзэ легко вздохнул.

Проходя мимо Молодого господина Ли, он незаметно сунул ему в рукав записку, пока под прикрытием от Чи Мэя доставал кошелек. Сейчас этот клочок бумаги обжигал запястье сквозь ткань.

А шедший следом Чи Мэй с мрачной миной на лице поравнялся с ним и глухо спросил:

— Разве супругу нечего сказать мне?

<http://bllate.org/book/22407/2352267>